

НА КАЗАЧЬЕМ ПОСТУ

Двухнедельный общеказачий журнал

№ 34

15 сентября 1944 года

№ 34

СОДЕРЖАНИЕ:

- Исторические очерки Дона
(продолжение) — П. Н. Краснов
★
- Казачество Восточной Сибири
— исторический очерк
★
- Незаметные герои — Балахнин
★
- Награда — Петр Химин
★
- Мы куем кадры (продолжение)
В Никонов
★
- Воркутская трагедия —
А. Агронов
★
- Утполá — стихотворение
Н. Туроверова
★
- Из-под земли — рассказ Ф. Печорина
★
- Богатырская сказка-быль (продолжение)
— Ес. В. Пономёв
★
- Розыски

Heeresarchiv-Zweig
Prag
Eing.: 15. IX. 1944
Anlagen.

Часовой в сторожевом охранении

Адрес редакции: „Kosakenposten“ F. P. Nr. 02306

Исторические очерки Дона

Часть вторая

— Скорей, Русс, скорей!...*)

За это дело Зубов был произведен в урядники.

Зубов и Кошка продержались на бастионе до конца обороны, часто ходя в вылазки и отражая жестокие приступы. Они оба получили для ношения на шее благословенные кресты, подарок Императрицы Александры Феодоровны.

27 марта 1855 года в Севастополе встречали праздник Светло-Христово Воскресения. К этому дню все бастионы были чисто подметены, пушки начищены, станки и лафеты вымыты. Люди надели чистое белье и свежие мундиры. В церквях служили заутреню; крестный ход прошел по батареям. Солдатские и матросские жены и дети пришли к своим мужьям и отцам похристосоваться. Но бомбардировка и в этот день не прекращалась. В Севастополе в первый день Пасхи было 10 убитых и 21 раненых.

Летом 1855 года союзники усилили приступы на Севастопольские бастионы. Они врываются в них — матросы и солдаты прогоняли их штыками. В каждый такой штурм союзники теряли несколько тысяч убитыми и ранеными; немалые потери несли и защитники Севастополя.

Помощи не шло. Ее и не ждали.

В августе французские окопы были в 50 шагах от главного укрепления Севастополя — Малахова кургана. Русские укрепления были сметены артиллерийским огнем. Но знали Русские войска, что — «люди, а на стены образуют крепости».

С 24 августа началась непрерывная бомбардировка Севастополя. По Малахову кургану било 110 больших осадных орудий. Гул и рев пушек, гудение летящих снарядов ни на мгновение не прекращались. Смерть была всюду. В городе все, что еще не сгорело — горело. Улицы — груды развалин. Артиллеристов и матросов не хватало. К орудиям ставили ополченцев. Каждый день выбывало из строя более двух тысяч убитых и раненых. 27 августа в кровопролитном отрапном штурме союзники овладели Малаховым курганом. После взятия Малахова кургана в Севастополе нельзя было держаться. Русские не сдали крепости. Они уничтожили все, что еще было цело, разрушили батареи, взорвали пороховые погреба и уцелевшие суда и по мосту ушли на северную сторону Севастопольской бухты.

30 августа после одиннадцати месячной осады и кровопролитнейших приступов союзные войска вошли в то, что было Севастополем.

Они нашли груды камней, пепел и угли пожарниц.

Потеря Севастополя не означала поражения России и победы союзников. Англичанам не удалось высадки ни в Балтийском море, ни у Соловков, где их отбили монахи, ни у Петропавловска, где гарнизонные солдаты прогнали англичан. — война могла продолжаться, но в общества русском явилось сознание, что вооружение и подготовка Русской армии не достаточны для ведения такой большой войны с морскими государствами. Сказалось и преклонение русского высшего общества перед англичанами и французами. Общество требовало прекращения войны.

Сознание своей вины тяготило императора Николая I. В разгар Севастопольской осады он тяжело заболел, и 19 февраля 1855 года скончался. На смертном одре он призвал наследника Александра Николаевича и сказал ему:

— Сдаю тебе мою команду, но, к сожалению, не в таком порядке, как желал, оставляя тебе много трудов и забот.

Да, «много трудов и забот» легло на плечи молодого Государя. Одинока была Россия. Черноморский флот уничтожен. Севастополь осажден; по Балтийскому морю, у самого Петербурга ходили пароходы союзников. Денег не было. Австрия, своим существованием обязанная России, пользуясь затруднительным положением русских, заняла Молдавию и Валахию, подошла к русской границе и грозила вторжением в Россию. Пиемонтский король послал в Крым союзникам вспомогательный корпус. Можно было опасаться, что Швеция и даже далекая Япония перейдут в стан врагов России. Война грозила стать всеобщей. Император Александр II искал мира.

18 марта 1856 года в Париже были подписаны тяжелые условия «Парижского мира». Англичане и французы постарались сделать его и тяжелым и унижительным. У русских «дипломатов» не хватило мужества отстоять достоинство России. Южная часть Бессарабии отошла к Турции. Россия потеряла право держать на Черном море военный флот

и устраивать морские крепости. Россия обязывалась не укреплять Аляндских островов на Балтийском море.

Как память об этой войне, о поголовном ополчении казаков для охраны России по Государеву слову, как заветная мечта Русского народа о свободе всех христиан от турок, на Дону сложилась песня. Ее величественный, торжественный и красивый напев сделал ее любимой песней у донцов в станицах и полках. Она стала звучать, как донской гимн и, когда стал снова Дон самостоятельным государством в 1918 году песня эта стала Донским гордым гимном:

Вот эта песня-гимн:

Всколыхнулся, взволновался
Православный тихий Дон
И послушно отозвался
На призыв монарха он.
Он детей своих сзывает
На кровавый бранный пир,
К туркам в гости снаряжает,
Чтоб добыть России мир.
«С Богом, дети! Ведь широкий
Переплыть вам лишь Дунай,
А за ним уж недалеко
Царград!... И наших знай!...
Сорок лет тому в Париже
Нас прославили отцы,
Царград еще к нам ближе...
В путь-же!... С Богом, молодцы!...
Стойте крепко за святую
Церковь, общую нам мать,
Бог вам даст луну чужую
С храмов Божних сорвать.
На местах, где чтут пророка,
Скласть Христовы алтари,
И тогда к звезде востока
Придут с запада цари...
Над землею всей прольется
Мира кроткого заря
И до неба вознесется
Слава Русского царя».

XLVI

Кавказская война. Как она велась. Гибель полковника Родионова. Стоянка в Грузии. Казачьи песни о жизни на Кавказе.

Орлов Кавказа внемля крику,
Донской казак сторожевой,
Безмолвно преклонясь на пику,
Он думал о стране родной...

С 1801-го года, с того времени, как Грузия добровольно присоединилась к Российской Империи, началась тяжелая, полная тоски по родной стороне служба донских казаков на Кавказе.

Закавказье — Русское; в северном Кавказе утвердились Линейные (Кубанские и Терские) казаки; между ними высокий, вечными снегами покрытый Кавказский хребет. Там на плоскогорьях, в горных кручах и тесных долинах живут по саклях в аулах «не мирные народы»: — черкесы, чеченцы, ингуши, татары, дагестанцы, имеретины, гурийцы... сколько их! И не знаешь, кто из них враг и кто друг... Курьеры, почта, проезжие, транспорты с оружием, амуницией и продовольствием — все нужно вести с охраной, в сопровождении пехоты с пушкой, с донскими или линейными казаками, как называлось тогда — с оказией. Нигде — ни на случайном ночлеге, в горах, ни в казачьей станице, ни в солдатском городке — крепостце — нет покоя. Тут мирные горцы, друзья приятели — «кунаки», а тут-же рядом в горах караулит лютый враг, стережет зазевавшегося проезжего, или казака часового, нацеливает в него свою длинную, серебром и золотом украшенную винтовку — «флинту».

— Не спи, казак, во тьме ночной
Чеченец ходит за рекой!

Из просторных донских степей, с широким обзором, откуда далеко все видно, где утаняться можно только в балке — в крутые, лесистые горы; через лес не проредешься, так зарос он кустарником, переплелся плющом и лианами, так зарыт он пропастями; на скалистые, льдом и снегом покрытые высоты, — не легко было донцам на такой службе. Везде караулит смерть. Войны... войны настоящей, с боль-

*) Продолжение главы XLV; начало — в № 33 «На Казачьем Посту».

шими сражениями, с походами — как будто бы и нет, а чуть не каждый день схватки и стычки, нападения и наскоки.

Дорогу вести — надо лес прорубать широкими просеками — иначе везде окажется засада. Сегодня чеченцы, или черкесы нападут на казачью станицу, угонят скот, уведут «аманатов» — заложников, захватят женщин; завтра мчатся с отместкой казаки, идет, сверкая штыками пехота, тянут пушки. Аул сжигают, берут пленного, грабят скот и имущество. Повсюду поставлены дозорные вышки, как то было в старину, на рубежах Московского государства. Везде приготовлены обмотанные соломой вежи. Тяжелая сторожевая служба.

С 1825-го года, почти на сорок лет до 1864-го года шла подлинная война с горцами — священный «газават», поднятый возмущенными мусульманами, их священниками и их мужественным вождем имамом Шамилем.

В июле 1828 года, в разгар войны с турками в Закавказье, у станицы Горячеводской закубанские татары сожгли станицу Неудобную, забрали пленного и добычу. Наказать их был послан донской полковник Михаил Степанович Родионов. Шедшие с ним пехота и орудие отстали. Горцы воспользовались этим, бросились в шашки на пехотное прикрытие, порубили солдат и отбили одну пушку. Родионов с горстью донцов поскакал выручать пушку. Он отогнал и спас этим Горячеводскую станицу, но сам в бою был на смерть зарублен. Донцы отбили его умирающим и сложили о нем такую песню: —

На заре то было на зорюшке,
На заре то было на утренней,
На восходе было солнца красного,
На развете то денечка прекрасного.
Не сизые-ли орлы в поле солетались,
Мурзы горские в поле с'езжались;
Как слезали мурзы с добрых коней,
Выходили мурзы на высок курган,
Расстилали они черны бурочки,
Поснимали они куньи шапочки,
Как сажались мурзы во единый круг
Да и думали они думушку единую: —
«Если-б взять то нам, взять село новое, нерушимое;
Да во том-то селе убьем мы полковничка»...
Как поранили они полковничка,
Как полковничка Михайлу Степановича;
Как приказывал он, Михайла Степанович: —
Ой, вы други мои, други станичники!
Когда Бог лучит вас быть на тихом Дону,
Вы скажите там моему сыну родному,
Да что б он служил царю верой правдою».

Через множество опасностей возили казаки почту через весь Кавказ. Ходили полками и сотнями по горным кручам. Тяжко тосковали они в долгую, часто бессменную свою линейную Кавказскую службу. Грустная, грустная создалась, сложилась о том времени на Дону песня: —

Шел на службу — я был молод,
— Прокатилась моя младость —
Ровно полая вода...
Кому — горе, кому — радость,
А мне, бедному, грусть тоска.
Настигла меня старость,
Точно лютая зима.
Шел на службу — я был молод,
Не тужил я ни о ком.
Семь лет в Грузии довольно,
Чтоб вернуться стариком.
Море синее глубоко,
Не увидишь в море дна,
Моя молодость ушла далеко,
Не увидишь ее никогда...

Когда шли донцы через кавказские горы, пели они: —

— С одного края Кавказа
На конец другой... И пой!
Пер-шагнем все горы разом
Твердою ногой!
Раз и два!

Мы всегда били неверных,
А, как царь велит... И пой!
Русский наш орел двуглавый
Всюду залегит!
Раз и два!

И вот — Грузия... Какая красота!.. Какое приволье кругом! По мягким склонам гор — виноградные и фруктовые сады. Приветливый и милый народ. Везде гостеприимная радость. Яркое солнце, синее море. Золотистые фрукты,

Лето 1944 г.
Смотр Н-му казачьему полку во Франции

нежное, хмельное вино. Богатый край. А гложет, гложет и гложет донского казака лютая тоска по оставленном бедном курене, по безрадостной ровной степи, по покинутым родным. И поет он, стоя на посту: —

— Сторона-ли моя, сторона сторонушка,
Сторона моя грузинская.
Я не сам зашел на ту сторонку —
Завела меня служба царская.
Я служил на тебе, сторона чужая,
Служил ровню девять лет.
Не получил я с Дона весточки
Ни от батюшки, ни от матушки.
На десятый год получил от дядюшки: —
Пишет, что отца в живых нет,
Родная матушка больная лежит,
Молодая-ж жена забыла меня,
Малых детушек по людям раздала,
Сама, шельма, со двора ушла...

Только за вторую половину Кавказской войны с 1836-го по 1864-й год в Грузии перебивало 118 донских казачьих полков, всего около 100,000 человек. Из них убито и ранено 1,763 казака, умерло от болезней более 16,000. За это же время для образования Суиженской и Лабинской линий с Дона переслано 10,000 семейств, вошедших потом в Терское войско.

В память боевых заслуг на Кавказе Донскому войску было пожаловано Георгиевское знамя с надписью «за Кавказскую войну».

В эту войну прославил Донское войско своими подвигами, умом и пониманием кавказской войны Гугнинской станицы казак Яков Петрович Бакланов.

Его имя стало знаменитым не только на Дону — у донских казаков, но и во всей Русской армии. Оно прогремело среди горцев Кавказа, страшной горной грозой. Его почитали, его боялись, про него слагали сказки, его называли «даджал» — то есть — дьявол.

А Русская пехота?! Кого столько раз выручал лхой донец Бакланов! Долго потом пели в ротах ее бравый марш и в нем всего две строчки: —

— Генерал-майор Бакланов —
Бакланов генерал...

Больше ничего... Ничего больше и не нужно было. Образ Донского героя сам вставал в памяти тех, кого водил он к победам, над горцами, турками и поляками. В этих словах звучали Баклановские бодрость, честь и призыв к победе.

П. Краснов

(Продолжение следует)

Казачество Восточной Сибири

в конце 17-го века

Колонизация Восточной Сибири, начавшаяся в первой половине 17 века совершалась главным образом по долинам больших рек: Селенги, Енисея, Ангары, Лены, и их притокам. Первоначальными формами новых поселений являлись укрепленные зимовья, устроенные казаками для зимних стоянок, сбора ясака и охоты. Зимовья, расположенные в местах, удобных для торговли, военных и административных целей, часто превращались позже в остроги, города, слободы и т. д. Таким образом, например, из зимовья основанного в 1652 г. на Доячем острове близ устья Иркутта, возник через 9 лет Иркутский острог, преобразованный в 1682 г. в город. В других случаях первоначальными поселениями становились непосредственно остроги.

Походы в «новые земли» доставлявшие казакам «прибытки», преимущественно из военной добычи становились к концу 17 в. все реже и реже. Казакам приходилось обращаться в оседлых поселен. Часть из них находилась на действительной службе, получая «государево денежное соляное и хлебное жалованье». В Ишимском уезде, например, служилые люди «нашей казачьей службы» получали ежегодно «денег шесть рублей, хлеба две четверти, полтора осьмин ржи, две четверти овса, полтора пуда соли.» казаки находившиеся в запасе («беломестные») наделялись «пашечной» землей и санными покосами. Они не получали жалования, а служили «с пашни» и не платили податей. За эту льготу «беломестные» казаки, жившие в приграничных острогах и слободах, обязывались защищать их от нападений кочевников. «Беломестные» являлись тоже резервом для пополнения служилых казаков.

Служилые казаки комплектовались прежде всего из «казачьих детей, братьев, племянников», затем из гулящих людей, новокрещенных «ясачных иноземцев» и ссыльных, в том числе из пленных иноземцев: немцев, шведов, поляков, литвинов и других, т. н. «Казаки литовского списка». Комплектование производилось в «убылые места», т. е. по числу свободных вакансий, служилых людей в той или другой местности. Казаки «верстались» по приказам местной администрации или по челобитным «охочих людей».

Казачья служба в Сибири была разнообразна. После завоевания Сибири казаки охраняли ее рубежи от набегов зарубежных ратных людей и сами отправлялись в походы против них (эти походы назывались «посылками»), а также несли караульную и другую службу внутри обширного края. Казаков командировали для сбора ясака с «ясачных иноземцев»; они же охраняли «соборную казну» и доставляли ее вплоть до Москвы, на их же обязанности лежала доставка «товарной государевой казны», приказной переписки, хлебных, соляных, воинских припасов и «государева горячего вина». Наконец казаки отправлялись на поиски полезных ископаемых (железной и серебряной руды, слюды), выступали в роли мореплавателей, открывавших неизвестные места, и посланников к соседним зарубежным владельцам: китайскому богдыхану, ойратским и монгольским ханам. Казаки в своих челобитных просили жалованья за «кровь и раны» в боях с южными кочевниками, заявляли, что им приходилось терпеть холод, лишения и «умирать голодной смертью» на крайнем севере.

Скудное «государево жалованье» не могло удовлетворить казаков. Свободные от «посылок», не говоря уже о «беломестных», стали заниматься земледелием, скотовод-

ством, ремеслами, мелкой торговлей, приближаясь по характеру своих занятий к крестьянам и посадским.

Главная льгота казаков состояла в том, что они были избавлены от «поборов и изделий на государя». Но от вымогательств воевод их никто не мог избавить. Произвол московской администрации обрушивался и на казаков: воеводы и приказчики присваивали себе часть «государева жалованья», задерживали его выдачу, совершали злоупотребления при отводе земель, вымогательства, издевались над казаками. Например, в 1676 г. приказчик Нерчинского острога, боярский сын Павел Шульгин приказывал бить казаков батогами, вымогал с них взятки, скупал хлеб, привозимый из «братских острогов» и продавал его по дорогой цене. Между тем у казаков денег не было. В результате они стали «нужны и бедны и умирали голодною смертью». Измученные казаки отказались повиноваться Шульгину, не пустили его в приказную избу, выбрали нового приказчика и подали на Шульгина челобитную (см. Ф. А. Кудрявцев. Восстания крестьян, посадских и казаков восточной Сибири в конце 17 в. Иркутск 1939 г.).

Казаки освобождались, правда, от податного тягла, но на них ложилась тяжесть «государевой службы» и они, как и другие группы сибирского населения становились жертвами произвола московской администрации. Таким образом, на почве хозяйственных и социально бытовых связей сближались казаки с посадскими, крестьянами и «ясачными иноземцами».

В 1694-95 гг. в Красноярске воеводой был Алексей Батковский, восстановивший против себя и казаков и ясачных людей; он брал с них взятки и обижал их всячески, но также притеснял и приезжих торговых людей. Калмыцкие и киргизские «воинские люди» стали «приходить войною» на Красноярский уезд. Воеводу обвиняли в государственной измене, указывая, что он снабжал боевыми припасами неприятелей, с которыми приходилось сражаться казакам (см. Н. Н. Оглоблин. Красноярский бунт 1695-98 гг. Томск 1902 г.).

Казаки восстали против «грабителя и разорителя». Пришла к ним и часть детей боярских; но впоследствии они же стали переходить на воеводскую сторону, становились доносчиками, изменниками. В течение Красноярского восстания, продолжавшегося 3 года, рознь между казаками и детьми боярскими проявлялась все больше и больше.

Казаки стали собирать свои «круги», устранять свои «думы и советы». Наконец они решили открыто выступить против воеводы. 19 мая 1695 г. толпа собралась перед приказной избой и объявила воеводе, что ему «отказывают от воеводства», Батковский угрожал толпе и требовал выдать «пушних заводчиков», но казаки не испугались угроз, разграбили воеводский дом и сопротивлявшихся «били смертным боем». Воевода бежал в Енисейск. На его место назначили выборных семь судей, которые отправили челобитную на Алексея Батковского и просили назначить нового воеводу.

Наместник назначил в Красноярск брата этого Алексея Батковского, Мирона, воеводою, но Красноярцы приняли его в штыки и заставили его запереться в «малом городе». 14 ноября 1695 г. раздался набат в Покровской церкви, послуживший сигналом для сбора казаков, посадских и пригородных крестьян. С оружием и казачьими знаменами они двинулись к «малому городу». Осаждали восставшие своего воеводу около 10 месяцев. Тем временем

воеводством управляли выбранные народной думою семь судей, из которых сын боярский Ермолаев был в апреле смещен казаками. Оказался он ненадежным для «мирского дела». А атаман Михаил Злобин летом 1696 г. «совсем изменил миру и перешел на воеводскую сторону.»

Тобольский воевода присылал на смену трех чиновников: Туромлина, Личинского, а потом Дурново, оказавшихся такими же «лихими воеводами». Жаловались на них и свои и татары. Убоявшись их, воевода заперся в малом городе. Казаки стали опять собираться «для думы и совета». Тяжелым ударом было для них предательство Атамана Злобина и других «изверчков». Но движение против лихого воеводы не заглохло. Восставшие подняли восстание и в деревнях, между тем как воеводу хотели «взять узмором». Просидел воевода в осаде до февраля 1698 г, когда власти в Енисейске решили сменить его. После пристрастного следствия его назначили снова в Красноярск. Но против Дурново поднялась более грозная сила.

В «большом городе» собрался многолюдный «круг», во главе которого стояли казаки: Чапчиков, Шалков, Мезенин, Омеляников, Ошаров, Суриков и др. Тем временем Дурново отдыхал в бане. Посланцы круга передали ему требование оставить немедленно город. Дурново упрекал их, вернулся в «мыльню» и лег на постель. Тогда повстанцы ворвались в баню, с постели «сдернули его за ногу и били под бока и волосы драли». Толпа подхватила ненавистного воеводу и начала избивать его.

Дурново привели к собору, возле которого собрался «круг». Решили посадить воеводу в воду и повели его уже к реке Енисею. Одни продолжали требовать казни, другие колебались. На берегу Енисея решили посадить его в лодку и отправить в Енисейск. Многие бросали в лодку камни, чтобы угрузить ее и его, Семена Дурново, утопить.

Между тем «шатости» в Красноярске продолжались. Назначаемых после воевод участники восстания не принимали. Сыщиков в город не пустили и объявили, что «послушны им ни в чем не будут и в розыски себя никого не

дадут». Продолжалось это положение тут до назначения новых воевод Петра и Федора Мусинных-Пушкиных. Красноярские казаки показали здесь свое свободолюбие и повлияли своей стойкостью как на иркутских казаков, так и на татар.

Казаки забайкальских острогов били челом на воеводу Афанасия Савелова в обидах и во многих взятках, заявляя, что он присваивал себе казачье денежное жалованье и что причинял ущерб «государевой казне». Особенно тяжело злоупотребления Савелова отражались на «новоприсланных», т. е. недавно прибывших в Прибайкалье казаков. В противоположность «старым», домовитым казакам имевшим свое хозяйство, «новоприсланные» нуждались в получении хлебного и денежного жалованья.

19 мая 1696 г. около 200 казаков приплыли в Иркутск «из-за Байкала-моря» в боевом порядке: с ружьями и боевыми припасами, знаменами и барабанами. Пристав к берегу казаки отправили 30 человек к воеводе Савелову. Тот позвал казаков на городскую стену, отказывая пропустить казаков в город. Антон Березовский, Моисей Борисов и Иван Пинега подали воеводе отписки, но воевода отказался удовлетворить заявление казаков о выдаче жалованья. На следующий день казаки требовали заново своего жалованья. Чтоб избавиться от них, им предложил воевода забрать хлеб в братском остроге. Найденные там запасы не смогли удовлетворить казаков. Пришлось им прикупать хлеб и брать его взаймы под кабалу.

Под Иркутском забайкальцы отбили у иркутских казаков беглых холопов и пленных. Доходило до схваток и до осады Иркутска. Когда же воеводу сместили, репрессии обрушились на забайкальцев, освободивших беглых холопов. Главные участники, верхнеудинские казаки: Фык, Капнов, и Иванов были казнены.

Сибирский казак

С старинной гравюры

Незаметные герои

1. «Один в поле воин»

Много уже славных казачьих имен вписано на страницы нашей богатой героями истории прошлого и настоящего. Теперь доподлинно всему миру известна казачья преданность святому чувству долга присяги, и любви к своему народу и отчизне. Вражеские потуги внести разложение в казачьи ряды, используя все, на что способна лудо-зменная большевистская изобразительность, желаемых результатов не дали. Изломанная, истерзанная и физически, и нравственно в своей значительной части казачья масса в час своего освобождения нашла в себе силы, и поднялась во весь свой могучий героический рост. Малочисленные сравнительно боевые подразделения казаков с честью помогают нести овеянные победами знамя Германской армии. Каждый из нас, казаков, будь то рядовой, или командир знает, что это знамя — наша жизнь, честь, свобода, спокойный и честный труд на казачьей земле. И множатся ряды гербов-казаков! Правда, в теперешней войне, где одно только часовое пребывание под артиллерийским шквальным огнем — уже героизм, трудно сказать, какие же моменты борьбы закончено определяют в бою качества героя. И не о героях сказочных мне хочется говорить! О простых скромных рядовых героях, какими наполнены ряды казачьих подразделений, — о них мое слово.

Вот немногие из обширной галереи наших героев. Группа казаков в 30 человек, в составе которой находился юный казачок Чернышев Николай, конвоировала государственный скот. Эта группа казаков из засады неожиданно была обстреляна пулеметным и автоматным огнем, во много раз превосходящей по числу бандой. В рядах казаков убитые и раненые. Ранен и Чернышев. Однако, не раной озабочен он. С пулеметом и карабином за плечами Чернышев бросился на

бандитов и, в упор расстреливая гадов, дал возможность всей группе оправиться от неожиданности и отбить атаку банды.

Мишустин Николай, — скромный в быту и чуткий к своим подчиненным казакам друг и начальник, с группой в 15 чел. подвергся при охране государственного имущества нападению банды в 100 человек. Была темная ночь. Была возможность укрыться от опасности, оставив доверенный ему пост. Но, Мишустин казак! А казак и «один в поле воин». В завязавшемся бою, буквально, в конце, Мишустин был ранен. Но и раненым он оставался на своем посту командира, запретив своим соседям передавать другим о своем ранении. Банда, потеряв несколько человек убитыми, зализывая свои раны, как злобный зверь, скрылась в свою берлогу.

В одной из разведок, напоравшись на многочисленную банду, один из казаков остался на поле боя. И, так как он не мог из-за ураганного огня передвигаться обратно, то мы уже считали его убитым, так как никаких признаков жизни он не давал. Но бросить товарища, хотя бы и убитого, на поругание врага, не в характере казаков. На призыв пойти за оставшимся, тот час же, не раздумывая пошли Птицын и Плескачев, правда, казака взять они не смогли, и он был подобран в результате общего наступления, но порыв, мужество, риск жизнью, ради спасения своего родного брата — разве это не характерно для всех казаков!

Многих уже нет в живых. Сложили они свои буйные головышки на чужой стороне, идя рука об руку с своим немецким другом. Но не забудем мы их, не забудет наша казачья история. Дальнейшими победами мы украсим их родные нам имена и будет им, и отчизне, их породившей, слава во веки.

Балахнин.

* * *

2. 40 разведок в три недели

Т. один из «старых» в своей сотне, недавно переброшенной на Запад. Его считают лучшим разведчиком, что подтверждают четыре награды, украшающие его грудь. Он был в различных операциях, часто смотрел смерти в глаза, но оставался невредимым. На седле у него висит подкова — его талисман. Ее он нашел в тяжелое время, при отходе войск, когда он, один-одинешенек, пробирался к врагу и давал Германскому командованию важные сведения. С тех пор он всегда руководил разведками в опасных местах. На одном передовом укреплении он провел 40 разведок в три недели.

4. Казак спас многих германских солдат

Сотник Ц. храбрый казачий офицер. Будучи командиром в красной армии он попал на Кавказе в плен, но оставался на положении военнопленного недолго. Услышав о формировании казачьих частей и узнав из газет о целях формирования, он счел своим казачьим долгом принять участие в борьбе против большевизма. При всех операциях его сотня была впереди. Своей самоотверженной боевой

3. Разведка привела 800 пленных

Сотник С. лишь недавно прибыл в казачью сотню, находящуюся ныне на Западном фронте. Несколько месяцев тому назад он был командиром батальона в одной из стрелковых советских дивизий. Он перешел к немцам и тотчас же вступил в казачьи ряды и через несколько дней, успев только надеть германский мундир, успел показать свои способности и свою храбрость. Он проводил разведки в самом расположении красных, в их окопах, давая советским офицерам ложные сведения о расположении германских войск и играл эту опасную роль до тех пор, пока 800 красноармейцев не попало в устроенную им ловушку. Это было самое отважное предприятие за двухлетнюю боевую деятельность его сотни.

работой он спас у Н. жизнь многим сотням немецких солдат. У него уже есть три медали за храбрость.

Тяжело было ему покидать родную Кубань, но он уверен, что в результате этой войны его родной край будет освобожден от большевистского ига. В настоящее время его сотня находится на Западе, получает новое обмундирование и обучается чтобы вновь вступить в бой с ненавистным врагом.

Награда

Я его встретил совершенно случайно. Прогуливаясь в воскресный день по окрестностям одного французского городка, длюбясь природой, я вышел к старинному, овеянному боевой славой, форту.

Стоял летний, июльский полдень. На голубом небе ни облачка. Даль плавала синей дымкой, медленно потухающей у подножья лесистых возвышенностей. Я было направился в расположенные своей части, как навстречу мне вышел стройный, смугловатый молодой лейтенант. Его черные, прищуренные глаза перевели свой взгляд с крепости на меня. Я решил с ним познакомиться.

— Лейтенант Утабаев, — сказал он мне с восточным акцентом, протягивая руку.

— Лейтенант Громов, — ответил я на его приветствие. — Осматриваете, вероятно, крепость?

— Решил сегодня посмотреть достопримечательности Франции, — ответил он.

— Вы, наверное, впервые в этих местах? — заинтересовался я.

— Да, я только вчера прибыл с восточного фронта, — ответил он. — В западных государствах еще не бывал, но Бог дал посмотреть и Запад.

— Извините за нескромный вопрос: как наши казаки борются на восточном фронте?

— С прежним героизмом и славой, — ответил он, — нашей сотней вообще гордилось немецкое командование, а особенно героически и хладнокровно вели себя казаки в разведке.

— Будьте любезны, — попросил я его, — расскажите мне какой либо эпизод с вашим участием.

— Можно; — ответил он.

Мы сели на мягкую траву, закурили и лейтенант Утабаев начал свой рассказ.

— Рано утром, в глубокую осень прошлого года, меня вызвал командир эскадрона, есаул Дубровский. Я вышел из палатки и, обходя лужи, направился к местонахождению командира сотни.

Звезды становились бледнее, а с запада находили темные дождевые тучи, постепенно заволакивая почти все небо. Я вошел в землянку есаула и остановился у двери, в ожидании его приказа.

— Уточнить расположение огневых точек противника, быть незамеченным и возвратиться обратно.

Уяснив подробно приказание, я вышел в расположение своего взвода, на ходу обдумывая план выполнения поставленной передо мной задачи. Казаки спали крепким утренним сном. Мне было жаль нарушить их отдых, но приказ есть приказ. Выстроив взвод, я поставил перед казаками задачу и приступил к ее выполнению.

На небе громоздились дождевые тучи. Справа сверкнула молния и пошел мелкий дождь. Впереди нас стояли стройные, густые ряды камыша, выросшие за лето на пригодной для них почве днепровских плавней.

Осторожно, цепочкой, мы пробирались по топкой грязи плавней, бесшумно отгибая в стороны камыш. Показались первые окопы красных. Дав приказания урядникам, я начал наблюдать за каждым движением противника. Красноармейцы часто высывались из окопов, осматривая местность, но, повидимому, успокаивались, не заметив никого.

— Господин лейтенант, — шопотом, сказал мне подошедший урядник Скубаков. — Справа, на возвышенности, пулеметы и минометы противника.

Я перевел бинокль на возвышенность и действительно заметил замаскированные станковые пулеметы и батарею минометов. Отыскав на карте эту возвышенность, я отметил карандашом огневые точки, продолжая вести наблюдение.

На небе загрохотали перекаты грома. Дождь пошел сильнее, камыш шуршал от сильного ветра, кланяясь острыми головами. Казаки, натягивая на себя плащ-палатки, медленно двигались по камышу, почти у самого носа красных, непрерывно наблюдая за каждым их движением. Я нанес еще несколько огневых точек, бесшумно пробираясь все дальше и дальше вдоль передовой линии, ближе к возвышенностям.

— Господин лейтенант, у подножья возвышенности убитые красноармейцы! — доложил мне вновь урядник, находясь в головном дозоре. Мы подошли к трупам, собрали лежавшее по сторонам оружие и было направилась дальше, как...

Сверкнула молния, загрохотал оглушительно гром, дождь пошел, как из ведра.

Идя по колена в грязи, казаки осторожно продолжали двигаться уже не по своему участку, но длинная очередь тяжелого пулемета заставила прилечь. «Замечены» — мелькнуло у меня в голове, — «нужно уйти». Казаки, ползя по жидкой, вязкой грязи, держа наготове оружие, осторожно вышли из камыша, направляясь к своим окопам, откуда наблюдали за каждым нашим движением. Дождь перестал, ветер прогнал тучи и небо становилось яснее и яснее. Я последним вошел в окоп, стряхивая с себя налипшие комья грязи.

— Гут, камрад, — улыбаясь, пожимал мне руку немецкий лейтенант Тиль и на ломанном русском языке он благодарил нас за разведку.

В тот же день на груди урядника Скубакова и казака Давиденко красовались зеленые ленточки за «отличное выполнение задания».

Утабаев умолк, я посмотрел на его смуглое лицо, черные глаза его сейчас смотрели на камень, но мысль была на днепровских плавнях и вся картина рисовалась в его глазах.

— Извините за нескромный вопрос, — вновь спросил я, — ваша лента говорит о каком то боевом подвиге.

— Это медаль за уничтожение одной десантной группы. Я со своим взводом уничтожил эту группу, несмотря на их яростное сопротивление. И после этого меня наградили и приняли в казаки. Теперь я — казак! — гордо сказал он.

Я понял, что о себе ему не хотелось рассказывать, но в этих скромных словах рисовался большой, ожесточенный бой. Это настоящий казак, оправдавший свое высокое звание кровью и боевыми подвигами.

Петр Химин.

Мы куем кадры

Продолжение*

В час ночи я проснулся и собирался подняться, чтобы идти в расположение первого эскадрона.

Меня интересовало, как ведут себя юные казаки ночью, на посту. Признаться, меня пугало то, что они получили в свое время распоряжение восемь станковых пулеметов, тысячи боевых патронов, карабины, винтовки. Долго ли до несчастного случая. Недалеко от меня раздался выстрел. Я быстро зарядил карабин и был на ногах. В двух-трех метрах от палаток по левую сторону от меня стоит юн. казак... Голова опущена, руками плотно сжимает винтовку.

— Вы стреляли?

Казак молчит. Я подошел вплотную... Странные чувства пришли мне на ум... Я взял его за плечи.

Казак был сонный.

— Это я, Зверинцев.

Я снова взглянул на него. Он улыбался и виновато смотрел на меня.

— Вы спите?

— Нет, я уже не сплю.

— В котором часу вы заступили на пост?

— Я не в наряде сегодня.

Только теперь я понял, что по стопе точно дневалют другие. Они подошли к нам на наш разговор. Зверинцев оправился, опустил винтовку, заговорил:

— С вечера долго мы рассказывали о партизанах. Рядом со мною лежит винтовка, в кармане патроны. Когда я заснул — как вышел из палатки и как зарядил винтовку — ничего не помню. Снится, что будто партизаны развели огонь и бросают в сильное пламя моих друзей — станчников... Вот я и решил один выступить против банды и перестрелять ее... Прицелился я сперва в командира и выстрелил... Я все еще не мог проснуться и машинально загнал в патронник следующий патрон.

Поговорили, разошлись. Зверинцев полез в палатку, я направился на мост.

Глухое шлепанье... Земля сырая, временами идет дождь. Ветер замер, приятно ощущаешь теплое дыхание ночи. Тиха июньская ночь. Временами совсем дождь перестает, светлее становится небо, ярче горят звезды. Все выше в синеву ночи поднимаются облака, убегая на запад. До меня доносится разговор часовых.

— Погода будет, — говорит первый голос.

— Узнал... Атаман и тот не угадал...

— Я знаю...

— Знаю... — недоверчиво выговорил второй голос.

— Вот посмотришь... Слышал, как с вечера лягушки кричали...

— Откуда они... Их всех, лягушек-то, французы поели... Сам видел, сушеные в магазине есть.

— Куда там... Забрехался...

Разговор прекратился. Тишина. Где-то залаяла в лесу собака. Прислушиваясь, я помаленьку шел вперед. Не успевая пройти десятка метров, как из-за куста показался вооруженный.

— Пароль!

— Кубань...

— Я-то узнал вас, но знаете, долг... служба... Если я не окликну, то вы доложите лейтенанту. Я уже ученый... Мне читал ижму оберлейтенант Божинский. Я тогда у него в сотне был.

Отчетливо шлепают копытами лошади. Это конный патруль. Я зашел в палатку к оберлейтенанту Божинскому и стал дремать.

Повернул юн. казак Леошко (он дневалил по 1-му эскадрону) и идет себе вперед... Время от времени он останавливается. Постойт минутку, послушает, снова повернется, идет в обратную сторону. Небо прояснилось. Дул восточный ветер: на небе редко, только в сторону горизонта, виднелись темные тучи, сливаясь с лесом. Винтовка на плече, руки заложил назад, придерживая винтовку, чтоб не спадала. Машинально придавил Леошко за спусковой крючок... Раздался глухой звук. Дневальный вздрогнул, перепугался. Обернулся на месте, пошел в обратную сторону.

Оберлейтенанты Божинский и Рожков выскочили на выстрел. Я остался в палатке... Все улажено. Офицеры возвращаются в палатку... Божинский говорит:

— Бывают такие дела... Ничего... Перепугался казачок... Все случается, — улыбаясь в темноте, долго не спит офицер. Закурил, разговор возобновился. Божинский продолжал:

— Вы себе представьте: Остроушко уже со своим расчетом лежит у пулемета... Вот тебе и юн. казаки... Остроушко, Сорокин, Чижик — да это оторви да брось, так я думал, а оно не так на деле... Поднимает голову Остроушко, спрашивает: «Господин оберлейтенант, куда прикажете открывать огонь?». А Сорокин уже ленту подает. «Марш по палаткам!» — крикнул я на них. Накрыли они свой пулемет, ушли... Стою я и слушаю их разговор. Чижик говорит: «Лучше нашего пулемета нет».

«Конечно, нет...»

«А может, есть?»

«Завтра у оберлейтенанта спросим». — Не вытерпел я и поблагодарил их. Успокоились. Огонь, а не казаки.

На конюшне в эту ночь дневалили: юн. урядник Андрей Бабак, юн. казаки Могила, Володя Донец, Борблик... Володя с хлебом чеснок кушает, Борблик спрашивает его:

— Где набрал?

— А там, днем пас лошадей...

— А знаешь, я свинью дикую видел.

— Да то, может, собака.

— Нет, свинья... Свинья...

Выстрелов вовсе они не слышали. Жили они своей детской жизнью, полной фантазии, и воспоминаниями о далекой родине.

— Могила, про козла расскажи...

— Расскажи, — стали настаивать другие...

— Если желаете, то расскажу. Было это... Хотя все равно... В Персии Сталин и Черчиль решили прогуляться. Вот и пошли на прогулку. На пути им встречается узенький мостик, а на мосту стоит козел. Дело было ночью... Черчиль совсем испугался, приняв козла за чорта. Стал Черчиль кричать на козла. Но ничего из этого не вышло: не уходил козел с пути и даже не моргает. Вытаращил он глаза на Черчиля, приподнял бородку, а роги назад смотрят. Тогда подошел к нему Сталин. А козел того, упрямый был. Сталин сказал козлу два-три слова на ухо и отошел. Козел, как прыгнет с моста и, не оглядываясь, стал удирать.

— Что вы ему сказали, Иосиф Виссарионович? — поинтересовался Черчиль.

— Я ему сказал, что за непослушание в колхоз запи-

* См. № 33 «На Каз. Посту»

шу и отправлю в СССР. Вот, он и того... Без задних ног стал удирать.

Могила молчит.

— Расскажи еще что-нибудь, — попросил Володя, который только что окончил кушать.

— Это немножко на тебя похоже... Был у дедушки внучек. По вечерам дедушка приходил с работы и учил его грамоте. Вечером внучек, звали его Володей, по складам читает: «Му-ха, Ха-ха, ха-ты...».

— Ну, понял, Володя? — спрашивает его дед.

— Понял...

— Что прочел?

Володя повторяет:

— Муха... ха-ха, ха-ты.

— Теперь без слогов, — а внучек поднимает голову и говорит:

— Жучок... ха-хы...

— Какой же жучок, если там написана «Муха».

— Обманываешь, его не Володя было звать...

— Нет, уж не перебивай... На другой день идет Володя из школы, а дедушка ему навстречу. Володя рас-

Новое поколение
Казачата и жеребята

крыл букварь и читает надпись под картинкой. На картинке изображен ворон и подпись: «Во-ро-на». Проводит он пальчиком, скороговоркой читает: «Кар-га»... Дедушка смотрит сверху на него и смеется.

— Молодец, внучек, молодец, — похвалил его дед.

— Это не правда, обманываешь ты... Это под меня ты подъехал... Я тебя знаю... Чего я тебя сделал?... Смеяться стал... Я, вот, скажу учителю, как ты курил, будет тебе...

Донец рассердился.

Юный урядник, Андрияша Бабак, встал, посмотрел по сторонам, приказал, чтоб не спали, чтоб лучше смотрели, чтоб лошади не оторвались от коновязи, — ушел в свою палатку. На востоке занималась заря. Небо совсем посветлело, поднялось выше; местами были видны белые, словно дождем обмытые, звезды. Все стало видно, хотя туманно, сквозь теплый предутренний туман ночи. Земля

осела, стала упругой; с листьев спадали крупные, теплые дождевые капли.

Доносятся первые живые звуки. Запели соловьи, чирикали наперебой скворцы; взмахивая сильными, широкими крыльями, пролетит орел; между собой перебросились дневальные.

Утренний ветерок, сырой и мягкий, стал порхать над верхушками деревьев.

Я взглянул на восток. Небо было совсем чистое. Узкая, светло-голубая полоса шла от горизонта на запад и, по

Германские и казачьи офицеры на смотре школы юных казаков

мере удаления, она становилась темно-синей; скрываясь за горизонт, прятались облака.

Протрубил трубач. Вместе с первыми лучами весь лагерь наполнился шумом и смехом сотен юных и звонких казачьих голосов. Казалось, все проснулось: лес и горы, река и травы, сердца и воля.

Терский станичный атаман Гримм прямо из палатки бежит в парующее туманное озеро.

Раздался плеск и сильный взмах мускулистых рук. За ним последовало молодое, юное племя.

Погружаясь в воду, они визжали и плескались. Показалось долгожданное солнце. Казачата подпрыгивали, смеялись, раздавалось громкое «Ура!»

— Сегодня будем джигитовать... Будем джигитовать!...

В соседнем селе раздался звук церковного колокола... В лагере был праздник. Из города ожидали приезда командира полка, подполковника Штабино. Выше поднималось солнце; легкий ветерок колыхал верхушки высокого леса.

Из толяну из-за леса выходил казачий табун лошадей... Впереди, пощипывая траву, временами поднимая голову, шел Макс, вожак табуна и любимец юных казаков.

(Продолжение следует)

В. Никонь

Воркутская трагедия

... Где север далекий, угрюмый,
Где ель одиноко растет;
Где серый гранит обитает,
Сердитое море ревет...

Много раз я брал в руки перо, пытаюсь описать лишь эпизод, и столько же раз бессильно оно выпадало из моих рук, ибо сейчас же тысячи жизней вновь и вновь вставали передо мной, — великих и малых русских людей, их надежды и чаяния, их трагедии, их любовь, могучая и сверкающая, которую проносили они, как солнце, среди мглы пороков, как меч, разящий несправедливость, за свободу святую, веками выношенную в сердцах.

Видимо суждено было мне пройти путь от стен Кремля, через подвалы Лубянки и Бутырской тюрьмы, через север и заполярье до земли Франца Иосифа; дважды быть приговоренному к расстрелу, бежать с Вайгача в Большеземельскую тундру.

Кажется в бесконечном прошлом, а между тем, так недавно это было.

... Вот бледное, с глазами наркотика, лицо Ягоды.

— Честь — понятие относительное, — говорит он, — к сожалению, мы рабы условностей... Я тронут... Мне хотелось бы быть таким, каким вы представляете себе меня в своих декларациях.

... Вот начальник секретно-политического отдела НКВД — Молчанов. Мягкий буднично-свет абажуров, мягкие тона гардин, мягкий, вкрадчивый голос:

Революция требует жертв... революция оттаптывает ноги многим невинным...

Шейны, Тительманы, Мехлисы. Много тайн умел хранить НКВД. Много политических авантур, много дел, изменявших международную обстановку; много организованных убийств, садистически страшных, о которых история поведает лишь впоследствии. Суздальский полит-изолятор, Ярославский, Орловский. Кто знал о них? Кто в них сидел? Кто знал: жива ли Дора Каплан? Тех, кого считали живыми, были умерщвлены, кого считали усопшими жили.

В Усть-Выме на Вычегде в бараке, обнесеном колючей проволокой, я встретил украинского писателя Остапа Вишню. Он обвинялся в национализме, великодержавном шовинизме и еще в чем то, на что он почему то весело махнул рукой.

Это была первая и последняя встреча. Так же затерялись где то на Колыме, в Дальмаге, в Караганде талантливые юноши, воспитанные Советами на лжи и болтологии, как и все молодое поколение, но разумом своим и сердцем начавшие познавать трагедию России. Инженеры, ученые, писатели, художники, — преступный уклон Еська Джугашвили, воровским путем пробравшийся к власти, велел убрать их. Я знаю своих однокурсников по Московскому университету: Александр Шевцов, Герман, Алексей Кондаков, которые любили родину и ненавидели ложь. Они были только начинающими и первые их труды избились из библиотек и стерли с газет. Оставшиеся отшатнулись от них. Эти дни помнит Московский литературный университет Союза советских писателей. Отталкивающая фигура рыжего следователя, жиды Тительмана, уполномоченного с Лубянки по «литературным делам», ежедневно торчала в секретной части университета. Провокаторством и сексотничеством заставляли заниматься не только отдельных студентов, бездарных и завистливых, но принуждали к этому корифеев педагогики; литературоведа Леонида Ивановича Тимофеева, фольклориста Юрия Соколова, Рыбникова и других.

Неболее талантливые из студентов, наученные разгромом, — Сергей Михалков и Маргарита Олигер, — отшатнулись от молодого человека XX века — темы, которые навязывали молодым писателям «профессора» из ЦКП — Михалков к детскому жанру, Олигер к осеннему сентиментализму Пушкинской осени в Болдино. И только Е. Долматовский и Константин Симонов, надрываясь и вылезая из шкур, ловили «молодого человека XX века», творя лже-литературу, утомляя трескотней читателя. А молодой человек двадцатого века гноился в тюрьмах, обвинялся во вредительстве, в контрре-

волюции. Он считался врагом народа. И его расстреливали, мучили, «перевоспитывали» в Колыме, в Фальлаге, на Медгоре и Воркуте.

Художники искали темы, а тема шла по пятам, наступая на фалды их пиджаков. Они ловили Стахановых, Берсягиных, Кавардаковых, но это были только марионетки, за которых кто то все делал, но которым приписывался их труд и по которым должны были равняться все. А из под фундаментов Магнитогорска, Вобриковского химкомбината, Челябинского тракторного, Сталинградского тракторного, Горьковского автозавода, железных дорог Сибири и Юга, каналов и плотин; из под фундаментов всех детищ пятилеток тянулись к писателям руки молодых людей XX века, замученных принудительным трудом сталинского социализма. Об этом будут написаны книги, они пишутся. Громы войн сотрясают мир, рушатся общественные формации, идеологические надстройки колеблются. Из дыма и грохота войн поднимается новый порядок общественных отношений.

Отшумят войны. Воцарится мир. На полях, орошенных кровью, поднимется тучный колос. И народится смелое поколение, отцы которых поднимали знамена освободительных войн против жидо-большевистской тирании.

Это будет честное, с ясным умом и твердым характером, новое поколение.

★

Итак, год 1937. Воркута. Далекое заполярье. У Троицка-Печерска я был задержан оперативниками и на оленях чрезвычайно быстро доставлен на Воркуту. Так неудачно окончившийся побег с о. Вайгача, никак не улыбался будущему из-за предъявленной мне 82 статьи Уголовного кодекса. Предполагалось к имеющимся у меня десяти годам дополучить еще два года страданий в концлагерях. Начальник 3 части Ухто-Печерского лагеря Черно-Иванов, как ниже будет описано, сыгравший не последнюю роль в Воркутской трагедии, — оказался личностью романтической. В моем побеге его интересовали подробности не политической стороны, а экзотические моменты обстановки. Я почувствовал что то, почти благожелательное для себя в интересе, проявленном им. Сам поддавшись впечатлениям пережитого, рассказывал о птичьих базарах побережья, о базальтовых скалах, где мы ночевали в гнездах пингинов, о сказочном полудоторатысчекилометровом пути через Большеземельскую тундру. Он слушал, подсовывая то бутерброды и чай, то папиросы. Его даже не интересовала цель побега и о моем спутнике он не обмолвился ни словом. А я умалчивал. Я говорил о себе.

Тогда и сейчас еще хочется верить мне, что жив польский перебежчик, Казимир Митницкий, спровоцированный Варшавской подпольной революционной группой; — бежавший в советский рай, но попавший в сталинский ад, что остался живым мой товарищ по страсти к свободе, по ненависти к сталинизму, что он отзовется еще. Только в Советском Союзе, как и тысячи иностранных товарищей, стремившихся в СССР, но обманутых в святая святых русской действительностью, — познал Казимир Митницкий всю чудовищно-уточненную форму порабощения русских, окутанную туманом лжи, обставленную бутафорской декорацией съездов и слетов, политику живодерства, заглушавшую стоны литаврами чуждого русскому народу Сталина.

И когда началась борьба Казимира за возврат в Польшу, его посадили. На этом, собственно, и закончилась его болезнь «революции», которой так заражались некоторые западники. Он оказался деятельным товарищем, что выяснилось при нашем знакомстве. Мы встретились на пересылке в Котласе и там же был предрешиен побег. Но осуществить его удалось на Вайгаче. Стараниями Казимира, к моменту побега имелась справка на имя Коми, выданная Сыктывкарским управлением оленеводства, как инструкторам; два русских паспорта

сезонных рабочих и адрес явочной квартиры в Минске, откуда нас могли перебросить в Польшу.

... Путь лежал среди камней и болот; бесчисленные потоки пересекали дорогу. Мы шли вдоль горного кряжа, где лежали снега, поблескивали ледники, черневшие линиями морей. Вправо, далеко за болотами, гнездились командировки концлагерей, пасбища самоедов с их чумами и стадами оленей и дальше на юг, где тундра уступала место тайге — коми-зырянскими поселениями на берегах потоков.

На склонах горного кряжа оперативники, в суровом одиночестве, оберегали этот единственный путь от беженцев с дальнего Севера. Болота считались естественной непреодолимой преградой. Но разве жажда свободы знает преграды? Мы пошли болотами.

На пол пути ноги Казимира опухли, да и сам он опух видимо от болотной воды, пришлось снять обувь. Потом ноги его покрывались ранами, он не жаловался, только взгляд его делался все тоскливей.

Наконец, у потока, быстрого и широкого, замкнутого в гранит берега, на котором, как акварель, выведены были зелень и розовые цветочки наивно кивавшие нам головками — мы развели костер. Казимир приготавливал затирку из толченых галет, а я плакал, вызубривая данные им мне адреса и девизы, улицы и номер дома явочной квартиры в Минске, его домашний адрес, имена его родных и родственников.

... А солнце над нами не заходило. На севере вначале это так действует; мы находились тогда вне времени и пространства, не было вечеров и ночей, казалось стояло бесконечное утро; так постоянно свежо было в воздухе, над озерами розовели туманы, косые дожди полосами двигались по небу. Вокруг шевелилась буйная зелень и фантастические цветы мгновенного лета.

... Два дня я ходил вверх по течению потока к бурным выступам гор, где синели латки сосновых рощ. Я не мог спустить по течению два небольших ствола, ведь Казимир теперь не мог даже привстать, так беспокоили ноги, начавшие издавать запах. Поэтому я тащил стволы назад сам, что отняло лишних три дня.

Когда готов был плот, он еще раз проинструктировал меня, как должен был я, достигнув Печерска, где-нибудь в лесу, тщательно выбраться, надеть хранившиеся в моей сумке брюки, рубашку, галстук, кеги, как должен был идти размахивая газетой, давность которой исчислялась годами. Я должен был насвистывать что-то, изображая честного советского служащего, возвращающегося с прогулки. Затем он взял себе продуктов лишь на один день и я бережно подняв его на руки, усадил на плот, застланный мохом, кинув туда те голубые цветочки, что так наивно кивали нам в первый день. Я оттолкнул плот и течение быстро унесло его за поворот.

Так было решено, ибо следовало было жить и ему и мне; по крайней мере надо было надеяться жить. Где то вниз по течению лежали села, отделения лагерей, лагпункты. Да, назад, в концлагерь, но зато не гасла надежда вновь бежать и бороться. А передо мной лежал неизвестный и еще далекий путь. Я не упомянул этот эпизод в исповеди перед Черно-Ивановым, майором государственной безопасности. Помолчав, он произнес: занимательно... И поднявшись к карте, висевшей за его спиной, отметив карандашом маршрут побега, добавил, — если бы вы, будучи на свободе совершили такой переход, правительство наградило бы вас орденом... Но вы... преступник... враг народа! Я сделаю лишь это...

Он взял со стола обвинительный акт с предъявленной мне 82 ст. У. К. и разорвал. — Теперь, — продолжал он, — я направляю вас в И. Р. Ровский барак... будете отдыхать сколько найдете нужным, затем заявите, где вам удобнее всего будет работать.

Я вышел.

Однако, этому позеру, сейчас же после моего ухода не помешало поставить меня в список трех тысяч, подлежащих впоследствии расстрелу.

★

В июне 1937 г. первые пароходы тащили баржи этапников. Воркута задыхалась в цинге; треска и вопючая медкая камбала, в вопючих боченках, — кончались.

Прошлогодняя мороженая репа, как последняя роскошь, исчезла из желтоватой «баланды», которую выдавали два раза в день. Этапы троцкистов, видимо, были нужней продуктов. Это были видные деятели оппозиции с 1937 г., заглазные Сталиным в политизолятории. Видимо с ними приходилось считаться, ибо огромный багаж, следовавший за ними, говорил об удовлетворении некоторых требований. Багаж состоял из кип книг, философских трактатов на всех иностранных языках, начиная с времен Эпикура и Аристотеля и до нашей дней; научные книги, труды по физике, математике, естествознанию, технике, по всем отраслям современной мысли, наравне с Кантом и Гегелем заполняли их чемоданы. Эти люди в большинстве своем выпревшие из низов, сыпя цитаты и аналогии, сверкая остроумием и колоссальной эрудицией, — напоминали съезд ученых, свободно болтая по-французски, по-английски, по-немецки, так же, как и по-русски. Их было около трех тысяч мужчин и женщин. Много лет проведенные в тихих камерах изоляторов, откормленные больничным пайком, они резко выделялись в черной, исхудалой толпе подыхающих с голода лагерников. Странно, для чего нужно было Сталину в течение стольких лет откармливать своих напуганнейших врагов, давать им идейно формироваться, писать антисталинские сочинения и, не глядя на всю осмотренность НКВД, держать связь с заграницей. Но видимо нужно было это Сталину, утонченному интригану-экспериментатору.

Едва первые из них ступили на берег, как появились листовки, быстро распространившиеся по рукам. Я никогда не принадлежал ни к каким партиям. В 26-27 годах, еще будучи мальчишкой, я видел, как в Москве на Красной площади дрались между собой дрякками знамен эти левые, правые и генеральные линии партии, закидывая друг друга тухлыми яйцами и галошами. Я тогда увлекался Савиновым и Сазоновым и удивлялся, почему вместо всего этого они не кидают друг в друга адские машины и бомбы. И тогда на Воркуте, прочтя листовку, я усмехнулся, — это были те же яйца и резиновые галоши: только критика, ни единого призыва на борьбу. Среди прибывших находилась Дора Каплан с дочерью (еще только формировавшейся в утробе матери, когда та стреляла в Ленина). По приказанию Ленина, Каплан не была расстреляна, но тщательно упакована в изолятор от мира сего на долгие годы; коренастый и лысый Косспор с женой, похожий на обывателя, сейчас же поступивший бухгалтером в управление Воркутской железной дороги; сын Троцкого Седов с женой и детьми. Он был доставлен отдельно, и в единственном на Воркуте классном вагоне немедленно направлен в Рудник. Здесь находились представители всех партий: террористы, дашнаки, русские фашисты, правые и левые и представители почти всех национальностей, входящих в состав РСФСР. Этому стучку политических противоречий страсть, конденсированному комку ненависти к Сталину, в обликах трех тысяч, являвших собой представителей политических партий в стране, ведущих подпольную работу против Сталина; этим вождям, на долгие годы оторванным от масс и практики, разместившимся в палатках на берегу Усы, — было предложено организоваться в бригады и стахановскими методами приняться за погрузку угля в баржи, спускающиеся по Усе в Нарьян-Мар для кораблей Великого северного морского пути. Все прошлые блага изоляторского режима снимались; причитался паек согласно выработки нормы наравне с лагерниками. Распоряжение исходило от начальника Ухто-печерского лагеря Якова Моисеевича Мороз, свояка наркома Ягоды. Три тысячи политических ответили голодовкой, предъявив требование: больничный паек, работа по специальности, право на чтение и письма, нормальные бытовые условия.

Воркутская 3 часть, непривыкшая к подобным тонкостям, забесилась. Было отдано приказание пустить репедов в зону политических. Необходимо заметить, что в концлагерях все население разбивается на две категории: социально близких и социально опасных. К первым относились воры, репедисты, экспроприаторы, словом весь уголовный мир, так наз., бытовики, т.е. плоть от плоти всего сталинского быта, который как известно и элится на преступлениях. Эти люди были власти в тюрьмах и концлагерях. Культурно-воспитательная часть, на которую в основном возлагал Сталин надежды, как на орган прививающий заключенным благие порывы и трудолюбие, — состоял из первоклассных бандитов,

осужденных по статье 59 § 3. Их жаргон, как риторическое и как остро действующее средство делал честь любому пропагандисту из ЦК партии. Бытовки заполнили собой весь бюрократический аппарат лагеря. Редко, только по крайней необходимости, как специалисты допускаются к этому «контрику». Если бытовки не работали, их не тревожили, они продолжали в лагере такую же жизнь, какую вели на свободе; воровали, играли в карты, ожидая «работенки по благу». К другой категории относились соц.-опасные 58 ст. всевозможных пунктов, короче — люди ставшие по тем или иным причинам негодными Сталину. В их делах, вместе с приговором всюду следовавших за ними, так и значилось: «использовать на общих работах». Это был тот черновой необходимый материал, которым бутились фундаменты сталинских пятилеток.

В тот самый момент, когда к политическим ворвались жулики с возгласами: «Молодец наш Сталин!», «За нашего грузинчика, вперед, братцы!», «Бей троцкистов!» — у эстокады пристани завыл оркестр. Начинались погрузочные работы 27 года. Стране нужен был уголь. О кровоточащими в цыпге деснами, изнуренные люди накидывали вагонетки, катили их на эстокаду; огромные баржи принимали его, как дань за доставленные сюда новые бочки камбалы и зимовавший где то на Печере и теперь загнивший картофель. Агит-бригада, подобранная из проституток, педерастов и прочих социально близких, под руководством отбывавшего тогда срок ленинградского артиста Монахова — прогнусавила «Широка страна моя родная». Затем, знаменитый на Воркуте гермафродит «тетя Гриша» исполнял мужско-женский тапец под мотив «Ах, да молдованке музыка играла».

На кухне при идейном соучастии самого начальника Культурно-воспитательной части, готовилось дополнительное стахановское блюдо: пареная репа и вновь прибывший гнилой картофель. Аварийные работы, о которых делал личный запрос Сталин, начались. В Нарян-Мар прибывали суда Великого северного морского пути для новой никому не нужной и бесцельной экспедиции в заполярье. Прибывали огромные лесовозы с загадочными знаками свастики. Английские, голландские, норвежские пароходы гордо входили в порты Печоры и северной Двины, приветствуя друг друга гудками. Их надо было снабдить углем, дать лучший в мире лес, надо было блеснуть богатством и деловитостью Союза.

Я работал кондуктором Воркутской железной дороги, по специальности, выбранной самим мной, как и было обещано Черно-Ивановым. Физические работы мне были отвратительны, так как взявшись за них я должен был признать себя рабом Сталина; конторская работа позволяла рождаться стольким мыслям, что возможен был необдуманный шаг. Мне необходимы были движения и горизонт. Работая кондуктором, я мог многих видеть, многое знать. В описываемый мною момент я принимал для маршрута состав, проверяя гоббарит груженого креплеса, только прибывшего и еще выгружавшегося для шахт. Мне было видно все происходившее в зоне политических, — так близко были разбиты их палатки вдоль игрушечного полотна узкоколейки. Человек триста бандитов, размахивающих ножами, раздевали мужчин, стаскивали обувь, чемоданы разбивали ударами ног, пачки книг разлетались во все стороны, сотни вырванных листов носились по ветру; хватали, кому что довелось, и тащили вон.

Атакowanych было во много раз больше, но никто из них никогда не дрался, да и слишком неожиданным был налет. Чудовищная матерная брань дополняла общее замешательство. Предупрежденная заранее охрана, оцеплявшая политических, стреляла в воздух. И только когда освоившиеся с обстановкой мужчины свернули одному бандиту голову, а молоденькая троцкистка откусила ухо самому заправиле, пытавшемуся, так сказать, проявить чувства, и налетчики пустили в ход ножи — охрана проявила активность. В эту ночь, — собственно ночей не было, солнце не закатывалось бродило по небу, — стало быть в эти сутки трое из вновь прибывших политических повесились. Никто их не останавливал. Это было тем ужаснее, что, говорят, даже им помогали пристраиваться в неудобных для этой цели палатках. Вдобавок голодовка была объявлена «сухой!». Требования троцкистов передали Москве. Ягода ответил спустя два дня, когда голодающие были размещены в срочно очищенных ба-

УТПОЛА

Утполó, — по-калмыцки, — звезда.
Утполó, — твое девичье имя.
По толокам пасутся стада,
Стрепета пролетают над ними.
Ни дорог, ни деревьев, ни хат.
Далеки друг от друга улусы,
И в полынью азиатский закат
Уронил свои желтые бусы.
В жарком мареве, в розовой мгле,
Весь июнь по Задонью кочую.
У тебя на реке Куберле
Эту ночь, Утпола, заночую.
Не прогонишь меня без отца,
А отец твой уехал к соседу, —
Как касается ветер лица,
Так неслышно к тебе я приеду.
Ты в кибитке своей для меня
Приготовишь из войлока ложе,
Моего расседлаешь коня,
Разнуздаешь его и стреножишь.
Не кляни мой внезапный ночлег,
Не клянись, что тебя я забуду, —
Никогда неожиданный грех
Не разгневает кроткого Будду.
Утпола, ты моя Утпола —
Золотистая россыпь созвездий —
Ничего ты понять не могла,
Что тебе я сказал при отъезде.

Николай Туроверов

раках путевых раз'ездов: Лесное, Торфяное, Чум, Змейка, Кирпичный завод (тундра), 5-й околоток Воркута. Ответ содержал отказ в предъявленных требованиях. Предлагалось, в случае необходимости, применять насильственное питание.

Три тысячи человек отказывались от пищи. Кажется, история еще не знает таких массовых голодовок, тем паче не было примера насильственного питания такого же количества. Людей связывали, щипцами открывали рты и вливали пищу. Люди хотели умереть, но им не давали. В конце концов, умереть можно и иным путем, если захотеть этого. В однопочке внутренней Лубянской тюрьмы я тоже хотел умереть, но тогда я еще верил в кое-какие идеалы и был слишком впечатлителен. И только будучи возвращенным к жизни, я понял, как чудесно жить для того, чтобы бороться, чтобы крикнуть на весь мир, нет не крикнуть, а как то особо умело рассказать людям, в какой обман ввели их, какой кошмар происходил за пределами их маленьких жизней, умышленно скованных тяжким трудом, законами, общественными нагрузками; ударничеством и соцсоревнованием, мыслями о хлебе, об очередях в магазинах, боязнью сказать что-либо лишнее, ибо из двух говорящих один сексот. Чтобы поняли, как сосут из их сердец кровь жидовской чудовищной системой кнута и пряника. Я не мог понять, как могли эти люди, всеми фибрами души ненавидящие Сталина и его рабский строй, как могли они, за которыми могли пойти массы — отсиживаться в изоляторе не пытаясь бежать, закаленные еще в царских ссылках — решиться на бесполезную смерть, позволяя оставаться жить тем, кому вообще не следовало бы и рождаться.

(Окончание в следующем номере.)

Л. Агнонов.

Из-под земли

Отрывок из романа «Вольная Кубань»

...Наше подземелье, в котором мы сейчас находимся, напомнило мне один интересный случай.

Пять лет тому назад, я и мой батько целый месяц гостевали у моего дяди, в Екатеринодаре. Через одну улицу от дома дяди, жила тогда дочь богатого купца Парамонова, красивая молодая девушка Наташа. Эту девушку до безумия любил один простой парубок-садовод; звали его, кажется, Анатолий. Наташа тоже любила его, но надеяться на то, чтобы родители отдали ее замуж за Анатолия, конечно, нечего было и думать.

Иногда в припадке страстной, но безнадежной любви, Анатолий говорил своей возлюбленной:

— Все равно, где бы ты ни оказалась, выйдешь ли за кого замуж, уедешь ли в тридевятое царство, провалишься ли в преисподнюю, я тебя отведу, хотя бы и из-под земли достану, чтобы хотя еще разок взглянуть на твое милое личико, ибо не то, чтобы кого любить, но и жить без тебя мне будет немислимо, хотя это может кому и смешным казаться.

— Из-под земли меня не стоит доставать! Если я там окажусь, то только мертвой и уже никому не нужной.

— И Наташа смущалась, чувствуя себя неловко и прямо в обиду на всех за то, что только богатство мешало ей составить свое счастье с этим милым парубком.

Однажды Анатолий, по каким-то надобностям уехал из города в станицу Пашковскую (что по соседству с Екатеринодаром), и задержался там дней на семь. В его отсутствии в семье Парамоновых произошло страшное несчастье: ранним утром Наташу, совершенно до этого здоровую да и ранее не страдавшую никакими болезнями, обнаружили в постели мертвой. Все в семье так были потрясены неожиданной постигшим их горем, что забыли даже позвать доктора и выяснить причину такой скорострительной смерти.

На второй день, убранный в «ангельское» одеяние, Наташа лежала в разукрашенном гробу, увитом множеством цветов, и выглядела, словно живая; даже, казалось, румянец покрывал ее прекрасное личико. Трудно верилось в то, что она мертвая, но все окружающее говорило, что это именно так.

На третий день, при душераздирающих неумолчных воплях матери и тихом всхлипливании всех присутствующих родственников, ее похоронили на старом городском кладбище, рядом с могилой дедушки, на которой стоял бронзовый памятник.

Я сам присутствовал на похоронах и видел всю эту печальную картину.

Анатолий только в момент похорон Наташи услышал такое потрясающее для него известие, поразившее его как внезапный удар грома. Забыв все на свете, в несколько секунд вскочив на первого оказавшегося под рукой коня, он вихрем помчался в город и минут через двадцать был уже у ворот Парамоновых. Спрыгнув на землю, он как оглашенный, влетел в дом и, не стесняясь больше как прежде, вбежал прямо в зал. Но в это время, его Наташи уже не было здесь, а ее родственники, вернувшись с похорон бедной девушки, сидели за печальной трапезой поминок.

Близкий к потере сознания и еле сдерживая рыдания, Анатолий подошел к брату Наташи и с какой-то застенчи-

вой таинственностью, спросил о месте похорон его сестры. Что он соображал в это время, неизвестно, но сейчас же как пьяный, шатаясь, он поплелся на кладбище.

Молодой казак Виктор Кондратенко рассказал одно истинное происшествие, которое полностью и помещается ниже.

Быстро отыскав по выделявшемуся на фоне вечернего полумрака высокому бронзовому памятнику могилу Наташи, Анатолий приблизился, бросился на свеженасыпанную землю и с полчаса лежал без движения, давая волю лившимся слезам. Затем он поднялся с отяжелевшей, как от похмелья головой, и, бессмысленно осматриваясь, заметил лежавшую здесь, забытую могильщиками лопату.

Тогда его вдруг осенила безумная мысль. Ему захотелось хотя один раз еще взглянуть на любимую. Оглядевываясь вокруг, как вор, Анатолий схватил лопату и с неимоверным усердием начал раскапывать могилу, благо почти уже стемпело и никто не мог видеть его работы.

Забыв всякий страх Анатолий опускался все ниже и ниже, с утроенной энергией выбрасывая свеженасыпанную землю. Через каких-нибудь полчаса, он дорылся до крышки гроба и от этого сердце его еще чаще заколотилось. Дрожащими руками заложил он острие лопаты под крышку заколоченного гроба и поднял ее.

— Ух, как я крепко и долго спала! — Приподняв голову и зевнув, произнесла «мертвая». Анатолий воскликнул и упал рядом с нею, лишившись чувств.

Наташа, осмотревшись, заметила, что находится в гробу, в глубокой яме, в ужасе вскочив, обхватила голову Анатолия и с трепетом шептала ему:

— Где это мы, что все это значит, почему мы здесь? — Но Анатолий лежал и безмолствовал. В таком положении они пробыли минут десять.

Наконец Анатолий очнулся, он увидел себя в объятиях дрожащей девушки и ничего не понимая, желая, с одной стороны, чтобы это «видение» продолжалось; но в то же время ему становилось страшно от всего происшедшего. Боясь пошевелиться и тяжело дыша, он как в истерике закричал:

— Именем Христа заклинаю тебя: отвечай, кто ты, призрак или настоящая Наташа?!

— Что ты, Бог с тобой, почему ты так говоришь? Я ничего не понимаю, уйдем скорей отсюда!

— Но ведь ты же умерла и тебя здесь сегодня вечером похоронили!

— Что такое? Господи, какой ужас! — в страхе воскликнула Наташа, перекрестившись; и вся дрожа, как в лихорадке прильнула к своему спасителю. Анатолий, видя, что она крестится, немного пришел в себя и, забыв прежний страх, впился в ее уста и осыпал такими крепкими поцелуями, какими еще ни разу до этого не награждал ее.

— Милая голубушка, жизнь моя, значит ты жива? Как же так, тебя похоронили заживо? Идем скорее отсюда! — говорил он прижимая к себе «воскресшую».

Они не без труда выкарабкались из ямы и, чтобы никто не увидел девушку в одежде покойника, обошли глухим переулком и остановились у двора Парамоновых. Анатолий остался у ворот, а Наташа одна подошла к окну своего дома.

Ее брат, сидевший в комнате у окна в глубокой задумчивости, случайно подняв голову вдруг заметил в окне

«призрак» сестры. Он перекрестился, читая молитву, но «призрак» не исчез.

Обезумев от страха, брат ее схватил висевшее на стене ружье и с перепугу выстрелил в окно, а сам тут же без памяти упал на пол. Наташа, заметив безумное смятение брата, во время успела отскочить от окна и убежала к воротам.

— Что делать, Толик? Мало было похоронить живую, так они еще теперь убьют меня!

— Идем к нам домой; ты останешься у меня пока не наступит утро! — повелительно сказал Анатолий и она без противоречий последовала за ним.

Утром, переодевшись в доме Анатолия, Наташа отправилась с ним вдвоем к своему дому. Как раз перед этим, к Парамоновым прибежал кладбищенский сторож и сообщил, что могила, где накануне похоронили их девушку, разрыта и гроб стоит пустой. Никто не поверил старику и все сейчас же собрались пойти, чтобы самим проверить действительность необычайного сообщения, но в этот момент в дом вдруг вошла сама покойница в сопровождении забегавшего к ним парубка.

Все в ужасе отскочили в сторону, читая всякие молитвы, но видя Анатолия и то, что сейчас был светлый день, они осторожно, мало по малу стали окружать Наташу, с недоверием оцупывая ее и, поняв наконец в чем дело, с неопи-суемым восторгом радости бросились целовать явившуюся «с того света».

Со стыдом, терзаясь ужасом допущенной ими непрости-тельной, роковой оплошности, они со слезами радости, на коленях, благодарили ее спасителя.

Родители Наташи подойдя к Анатолию, с волнением го-

ворили: Чего хочешь, то и проси у нас, ничего не пожалеем; половину богатства отдадим за твой рыцарский поступок! Но он молчал, ничего не требуя и повернувшись к Наташе тихо сказал:

— Помнишь, ты когда то говорила, что из под земли доставать тебя не пужно; а я вот сдержал свое слово — и там нашел тебя, и... Наташа не дав ему говорить, с любовью обвила его шею руками и, не стесняясь, начала крепко целовать; затем, обратившись ко всем присутствовав-шим, она твердо заявила:

— Знайте, только этот милый парубок достоин быть моим мужем. Он моя жизнь, мое счастье и достойнейший супруг!..

Ну, понятно, что в таком необыкновенном случае, роди-тели ее ничуть не противоречили этому желанию, и моло-дые, достигнув таким образом вершины земного счастья, наверное и сейчас живут, и... наслаждаются, в то время когда мы сидим в еще худшей яме, чем они когда-то сиде-ли на кладбище...

Кондратенко замолчал и закурил люльку турецкого та-баку.

— Это все очень интересно и в конце даже приятно, — заметил молчавший все время Кондратенко, — но, по мо-ему, ты все же достаточно наврал нам. Как же так, она умерла и воскресла?

— Пет не умерла, а просто уснула летаргическим сном и в тот момент, когда Анатолий снял крышку гроба, она проснулась и ничего в этом необыкновенного нет; пояснил рассказчик тоном знатока, как сын учителя и вообще са-мый образованный среди всех, находящихся в этом под-земелье казаков...
Ф. Печорин.

Богатырская сказка—быль

о казачьем витязе-сибиряке атамане Лавре Корнилове и о земле крещеной

Продолжение

Ну, так вот, о чём я?... Стой...
Экое затмение.
Сказку начал говорить
За мой потщење,
А, вот, краю-то её
Я ещё не вижу.
Ну-ка, детки, кто из вас
Видывали лыжу?...
Мы прокатимся на ней
Ото льдин могучих
Вниз от Севера чуть даль
До лесов дремучих...
Что об них мне говорить? —
Знамо—дело—диво!
Наш народ об них создал
И сказаний силу.
Кто не слушивал из вас
Сказки — Чародейки? —
Всё в ней правда до рубля
Без одной копейки.
И разбойники в них есть...
Леший, видишь, тоже
Не абы, чтобы какой, —
А собой пригожий —
Напугает, ну а всё-ж
Не злодей и скряга
И не дюже то его

Одолеет брага,
Когда выпьет вечерком
В Соколиной речке
Вместе с бабою-Ягой
У бобровой печки.
Он лишь страшен для потех
Кто в лес за грибами
Ходит тайною тропой
Поздними зорями.
Захочет, завпзжит,
Как дитё заплачет
И, как будто конь степной,
Вслед за ними скачет.
Девки по лесу бежат —
Ахи, крик, смятенье
Нагоняет царь лесной
В этом нет сомненья.
Вот за юбку зацепил, —
Разорвалась плахта
И кричат что было сил
Навидавшись страху:
— «И-те, дьявол, покажу
Как хватать за плечи...
Отдыхаться дай хоть чуть
И сказать две речи.
Мамка... давеч не велит
Слушивать злодея...»

А лицо-то всё горит
И румянец зрея
Губы жаром обдаёт
Парня-Чародея.
С конопляной бородой
В шубе на изпанку
Рожа в саже, конский хвост,
Изменил осанку.
Кнут за поясом торчит
И старой метёлкой
По ветвям сухим шуршит
Под мохнатой ёлкой.
А для страха турий рог
Держит за спиною
То — как лось им замычит,
То — блеет козою.
Страх и только для людей
Хоть-бы и бывалых
А не-то что для ребят
Иль девченок малых.
Леший — парень он хитёр.
Для всех спозаранок
Чай в кармане уж полно
Он припас приманок. —
Одному для страхамышь
А кому баранок,
Девкам — серьги с бирюзой,

ДЖИГИТОВКА

Доставание земли

А ребятам — пряник.
 Леший знает чем сманить
 Шалую дёвчёнку
 Коробейник раскрывал
 Не спроста котомку.
 Уж чего в ней только нет —
 Торговец с мизинчик
 А торгует как большой
 Рядный магазинчик.
 Зазывает весь народ
 Посмотреть товары,
 С прибауткой: — «Эвось!.. на!..
 Даром мармелады...
 Ситцы, бархат, кружева —
 Эво, девки, ту — та!
 На аршин, аль локотком
 Меряем от фута.
 Жемчуг с моря, изумруд,
 Янтая, сапфиры,
 Кольца, серьги — все есть тут! —
 Что по сердцу милой...
 Не толпись народ честной
 Всем припас подарки —
 Вот и бусы, мыло, дух
 И игла для прялки.
 Украшенья для икон,
 Кресты из Афона,
 Вот — подсвешник для столов
 И для баб обнова.
 А платки бросают в жар
 Даже бледнолицых —
 Всё персидский здесь товар
 Иль от желтолицых!..
 Шёлк из Индии для дам
 Возрастов почтенных...
 Вот — часы, а вот кнжал
 Для господ военных.
 Ленты, трубы для ребят

И гармонь губная,
 Вот — пемада, шоколад,
 Ситичко для чая!..
 Леший-Ванька тут-как-тут
 — «Эй!.. посторонися!..
 Эво где купцы идут,
 Бабы — разступися!..
 Точно тесто на дрожжах
 Вас порастирало
 На курносых, чай, пойдн
 Всё не тает сало...
 Вас-бы в аглицкий наряд
 Иль в мундир китайский
 Приодеть всех на парад
 На просмотр боярский.
 Пль легонько на пару
 В бане на прилавке
 Натереть всех в «македон»
 Из ходячей лавки

А потом-бы в молоке
 Искупать проситься.
 Как-то в сказке о Царе
 Где-то говорится.
 Гай, красавицу-б сманул
 С ярмарки «приказчик»
 И показывал-бы всем
 Новенький обрщик.
 Без румян и пудресов
 И других манеров
 Что прельщает без усов
 Сельских кавалеров...
 — Здравствуй, Новгородский Гость!
 Наше вам с пиштеньем
 Ждём товары разглядеть
 С полным нетерпеньем...
 Коробейник рад душой
 Знает вкус знакома —
 Нужен ходкий всё товар
 Особливо кольца.
 — «Вот, вам, сердце кавалер
 Из моржовой кости,
 Чтоб красотки на селе
 Зазывали в гости.
 Или кольцами бы связать
 Руки вашей милой
 Чтоб считала бы на век
 С вами быть счастливой...»
 Леший-Ванька багатей,
 С душой на распашку
 «Атаманят» на селе
 И влюблён в Дуняшку
 Не показывает вид —
 За другими крутит
 Точно шука без сердец
 Кровь девичью мутит.
 — «Вы, вот, ярмарочный гость,
 А мы — из далеча —
 С пол квартала от нутра
 Хуторского Веча.
 Вместе б жили, не соплись
 Здесь на повороте...
 Сердце — камень, а кольцо-б
 Пригодилось Моте.
 Дайте парочку — одно
 На мизинчик малый,

ДЖИГИТОВКА

Увоз раненого

А другое — к безымян
 А на нём лукавый.
 Этот дам заворожить
 И когда случится
 С Лешим быть наедине
 Есть чем откупиться.
 А то бабка в Соловьях
 Сказывала сказы
 Что мою звезду темнит
 Череп одноглазый...
 — Ну-кась нет-ли там еще
 Аглицкого чуда —
 Хоть-бы бусов из корал
 На аршин с пол пуда.
 Или-б в яблочках платок
 С алым позументом
 Дунька знает в них бишь толк
 Когда мы с презентом
 К ней подкатим на конях
 В лаковых сапожках
 И пристукнув каблуком
 Эдаке шаркнем ножкой...
 Митьку за нос поведа,
 Дуньке подморгнувши,
 Варьке на ухо шепнул
 За локоть щипнувши:
 — «Приходи в «Медвежий Луг»
 Ноне там ребята
 Собираются играть...
 Будут и дивчата
 Только Дуньке передай
 Чтобы не серчала
 Для старухи я повёл
 Речи от начала...
 Я её воот как люблю, —
 Что орехи белка...
 Будут сладощи для всех
 И полштоф горелки...
 И трякнувши головой
 Кудри поправляя
 Свиснул парням и... айда
 В лес гостей сзывая...

(Продолжение следует)

Есаул Вениамин Поночёрный

Р О З Ы С К И

Вниманию казаков Первой Казачьей Дивизии

Печатаемые ниже списки лиц, разыскивающих своих родных, станичников, сослуживцев и знакомых получены редакцией от «Suchaktion Фельдпост № 56.400», который ведет работу исключительно для чинов I-й Казачьей Дивизии.

Пользуясь не только справками четырех бюро, он свои розыски производит еще и с помощью регистрационных отделов Представителей Казачьих Войсковых Атаманов Германии, Венгрии, Болгарии, Словакии, Греции, Протектората, Франции и проч. дружеских Германии стран, помещает ряд объявлений о розыске во многих городах и печатает в казачьих журналах и газетах списки разыскиваемых лиц. При чем в иногородних газетах объявления помещаются за счет разыскивающих (плата за объявление с человека — от 100 до 150 куна, в зависимости от размера и числа слов; в казачьих журналах и газетах — бесплатно).

Казак! Направляя свой запрос не забудь четким, разборчивым почерком заполнить опросный лист указав кто ты, твою фамилию, имя и отчество (у женщин, сан. персонала, девичью фамилию), дату и место рождения, бывшую профессию и место работы, затем местожительство свое бывшее, область, район, село или город, улицу, № дома, где жил после 22. 6. 1941 г., фамилию родственника которого ты разыскиваешь, его имя и отчество (у женщин — девичью фамилию) и фамилию мужа с его именем и отчеством, имена детей, день и место рождения каждого, местожительство на 22. 6. 1941 г., область, район, село или город, улица и № дома и возможное местожительство после 22. 6. 1941 г. Упомяни на чем эвакуировалась семья, по какому маршруту. Из какого города получены последние сведения об эвакуировавшейся семье. Предполагаемое направление продвижения семьи и проч. особые сведения кои для облегчения розыска могут помочь и ускорить работу. Только так, только заполнив специальную для этого печатанную «Фельдпосткарту» (открытку полевой почты), ты можешь надеяться на успех. Эти опросные листы и почт. карточки ты всегда найдешь в своей воинской части. Деньги на оплату объявлений посылай сразу с опросным листом (можно кунами в письме).

Список № 16

Атаман **Дижечка Иосиф Фомич** — братьев Дижечка Стефана и Иосифа из стпн. Поповичевской (Кубань).

Урядник **Сморodin Тихон Егорович** — жене Смородину Марию Федоровну (рожд. 1919 г.) из Таганрога Донск. обл.

Урядник **Савушкин Алексей Васильевич** — братьев дворян. Муренцова Павла (р. 1925 г.) стпн. Константиновская и Дадукина Анатолия Ивановича (рожд. 1923 г.) стпн. Николаевская, Донск. обл.

Казак **Давиденко Терентий Прохорович** — брата Давиденко Петра Прохоровича из стпн. Капневской (Кубань).

Казак **Харланов Яков Яковлевич** — сыновей Харлановых Николая (р. 1923 г.) и Ивана (1925 г.) Яковлевых из стпн. Родниковской (Кубань).

Казак **Савин Ларион Максимович** — братьев Савиных Маркина (р. 1918 г.) и Писякова Павла Гавриловича (р. 1924 г.), стпн. Савельевской (Терек).

Казак **Михайленко Андрей Колопович** — брата Михайленко Петра Терентьевича из стпн. Н.-Мисская (Н.-Новолинская), Кубанск. обл.

Казак **Иващенко Демьян Калинович** — сына Иващенко Ивана Демьяновича (р. 1921 г.), стпн. Уманской, Куб. обл.

Ефр. **Прокуронов Петр Васильевич** — жене Червеноженку Екатерину Григорьевну (р. 1916 г.) Киевск. обл., с. Ракитина.

Ефр. **Коваленко Федор Иванович** из стпн. Варениковской, Краснодар. край — отца Коваленко Ивана Трофимовича (р. 1891 г.), стпн. Варениковская, Куб. обл., эвакуирован из Мелитополя.

Казак **Черненко Василий Степанович** из Керчи — брата Черненко Дмитрия Степановича (р. 1910 г.) стпн. Анапской, Куб. обл., эвакуир. из с. Олишки, Херсонского р-на, и дворян. брата Черненко Ивана Семеновича (р. 1899 г.) из той же стпн., эвакуир. напр. Тагань.

Казак **Зиновьев Лев Алексеевич** — отца, мать и брата Зиновьевых Алексея Гавриловича (р. 1896 г.), Марию Михайловну (р. 1907 г.) и Анатолия Алексеевича (р. 1937 г.) из гор. Сталинграда. Эвакуированы: отец — Ростов, Мариуполь, Каховка; мать — Нижнечирская; брат — неизвестно. Все — допцы.

Казак **Борисенко Григорий Евстафьевич** — Кошень Петра Герасимовича (р. 1900 г.) из стпн. Петровская, Краснодарского края, Кубань.

Казак **Студенкин Николай Сергеевич** — брата Студенкина Василия Сергеевича (р. 1926 г.) Орджоникидзевского края, Озургирск. р-на, посел. № 3, эваку. маршрут — Ставрополь—Ростов—Мелитополь. Посл. свед. из Мелитоп. края Гоголевка, Веселовск. р-на.

Казак **Филь Григорий Иудович** — брата Георгия Иудовича Филь (р. 1914 г.) Донск. войска, Цук-Балка, Краснодарского края, эвакуир. из Никополя.

Казак **Ермоленко Иван Петрович** — брата Ермоленко Михаила Петровича (р. 1911 г.), стпн. Славинской, Таманского окр. и зятя Сокол Федора Пантелеевича (р. 1906 г.) той же стпн., эвакуир. на Керчь.

Лапанов Георгий Петрович — двоюр. брата Лапанова Бориса Евсеевича (р. 1904 г.), г. Барнаул и зятя Винниова Александри (р. 1903 г.) стпн. и отд. Кавказская, Кубань.

Казак **Ефентьев Иван Прокопьевич** из стпн. Тундутово, Сталинградской обл. — дядю Фролова Ивана Кузьмича (р. 1910 г.) и двоюр. брата Ефентьева Николая Алексеевича (р. 1924 г.) из той же стпн. Посл. свед. — из Млавы. Дядю Фролова Николая Кузьмича (р. 1900 г.) и друга Осеева Ивана Николаевича (р. 1924 г.).

Казак **Бутков Александр Лукьянович** — сестру Буткову Анастасию Давыдовну (р. 1924 г.) село Цово-Белое, Ворошиловградск. обл., Белокутск. района.

Казак **Герасимов Павел Андреевич** — двоюр. брата Герасимова Даниила Дмитриевича (р. 1913 г.) и Рыбалка Мих. Георг. (шуряка), рожд. 1912 г. из стпн. Баракаевской, Мостовск. р-на (Кубань), Посл. свед. из гор. Краснодара.

Казак **Лаванов Валентин Владимирович** из села Муса-Аджи, Орджоникидзевского края — брата Лованова Михаила Владимировича (р. 1928 г.) стпн. Новоалександровская, того же района.

Казак **Басов Николай Васильевич** — отца Басова Василия Ефимовича (р. 1897 г.) стпн. Григорьипольской, Н.-Александревского р-на, Кубань, эвакуир. Таганрог—Мелитополь.

Казак **Белозеров Пантелей Александрович** — двоюр. брата Старова Ефима Семеновича из стпн. Саратовской, район Горячий Ключ, Кубань.

* Лицам нашедшим себя в списке или могущим дать сведения о разыскиваемых надлежит сообщить свой адрес с обязательным указанием нашего № списков розыска. Письма адресовать по адресу Фельдпост № 56400 «Suchaktion».

«Suchaktion» просит сообщить свой Фельдпост № следующих казаков:

1. БОЛДЫРЕВА, Николая Семеновича из стпн. Андреевской, Сальского р-на (Дон). Имеется письмо от сестры, Таисы Артамановой.
2. КАЛЮЖНОГО, Дмитрия Ильича из хтр. Донской и его родственников из стпн. Кундрюческой и Орловской. Имеется письмо от сестры Надежды Калюжиной.